

И. В. Волкова

Пиренейский конфликт 1936–1939 годов и формирование советского поколения войны

Гражданская война в Испании стала одной из самых волнующих тем международной жизни для СССР 1936–1939 гг.: она составляла значительную часть новостного потока, обсуждалась во всех сегментах общества, вызывала неподдельное чувство солидарности с борющимися республиканцами. К настоящему времени хорошо изучены самые разные аспекты советского участия в испанских событиях — от военной помощи и отработки на испанской территории ряда методов ведения боевых действий до приема в Советском Союзе около трех тысяч испанских детей. Менее изучено восприятие испанских событий в советском обществе¹. Еще менее учтенным в спектре общественных реакций остается детско-юношеский компонент. Между тем учившиеся в 1936–1939 гг. в средних и старших классах школы спустя короткое время обретут статус советского фронтового поколения. Для этой возрастной категории борьба республиканцев стала своего рода «опытной лабораторией», предопределившей по многим позициям восприятие войны СССР с фашистской Германией. Осмысление воздействия, которое оказали иберийские события 1936–1939 гг. на советское фронтовое поколение, выводит на ряд конкретных вопросов: как преломлялась в сознании молодых информация об испанском конфликте, через какие идеологические фильтры

Волкова Ирина Владимировна
д-р ист. наук, проф.,
Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»
(Москва, Россия)

она пропускалась, какие выводы и уроки из гражданского противостояния в Испании извлекло будущее советское поколение войны, какие отношения связали его с испанскими сверстниками, привезенными в СССР.

Значительную часть источников составляют письма школьников, адресованные испанским сверстникам и отложившиеся в составе фонда Коминтерна Российского государственного архива социально-политической истории, а также дневники старшеклассников и высказывания детей, записанные учителями и журналистами. К этому документальному массиву примыкают воспоминания. Дополнительный материал для раскрытия темы предоставляют стенограммы учительских конференций, отчеты учителей о работе с учащимися, переписка органов образования с партийными и комсомольскими инстанциями, в которых содержатся показания о детских настроениях, побуждениях и поступках, связанных с событиями на Пиренеях и приемом в СССР детей республиканцев (по большей части они сосредоточены в фондах Государственного архива РФ, Научного архива Российской академии образования, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального государственного архива Москвы). Взятые в целом, данные источники позволяют преодолеть однобокий подход, в рамках которого изучение детства строится на базе направленного на детей потока информации и обучающих практик, а не выявлении их непосредственных реакций и переживаний².

Отправной точкой в формировании отношения молодых к событиям на Пиренейском полуострове служила советская официальная политика вместе с ее пропагандистским сопровождением. Современные исследователи достаточно единодушно оценивают ее как взвешенную и не нацеленную на дальнейшее революционизирование испанского общества. Согласно С. Пэйну, после парламентских выборов февраля 1936 г. коминтерновская линия, которой неуказательно придерживались испанские коммунисты, состояла во всемерном укреплении Народного фронта и поддержке республиканского правительства с помощью легальных механизмов³. По мнению Ф. Леннона, дуальными и взаимосвязанными целями СССР в войне 1936–1939 гг. стали поддержка левых республиканцев и республики, а также втягивание Англии и Франции в альянс против нацистской Германии и фашистской Италии. «В этой повестке, — замечает Ф. Леннон, — не было места социалистической революции»⁴. Эти оценки согласуются и с выводами Ф. Шауффа⁵. По мнению Д. Ковальского, надежды на сотрудничество с Францией и Англией отразились и на содержании советской кинохроники, снятой на Пиренейском полуострове для советских и частично для западных зрителей: она была лишена присутствия Сталина, советских символов и идеологизированных оценок событий⁶. Даже при недостигнутой стратегической цели такая политика принесла сталинскому режиму определенные бонусы в международных делах и вполне ощутимые выгоды на внутреннем фронте. Инициированные им кампании солидарности с испанским народом, сбор пожертвований объединяли советских людей и даже формировали их самосознание как ключевых игроков в борьбе за свободу и социальную справедливость в мире⁷.

Освещение гражданской войны в Испании в советских СМИ было двойственным. С одной стороны, в соответствии с главной тенденцией советского участия оно строилось таким образом, чтобы исключить возможность истолкования иберийских событий как вспышки «мировой революции» и тем более чтобы не допустить каких-либо реминисценций с теорией «перманентной революции». Республиканская Испания определялась как «демократическое государство нового типа», а гражданская война — как конфликт республиканцев с фашистскими мятежниками⁸. С другой стороны, широко использовались аллюзии к опыту, образам и символам Гражданской войны в России 1918–1920 гг. и подчеркивалась преемственность этих двух войн. Именно «революционная» трактовка испанских событий безальтернативно утвердилась в среде советских учащихся. Этому есть несколько базовых причин.

Испанский конфликт в восприятии советских детей и юношества: первые отклики. Несмотря на насаждавшуюся с середины 1920-х годов сталинскую теорию возможности построения социализма в отдельно взятой стране и отказ от курса на мировую революцию в государственной политике, школьное обучение не порывало с этой идеей. Все изучение истории подводило учащихся к тому, что фундаментальные проблемы современного человечества могут быть решены только уничтожением классового капиталистического строя. Веру в неизбежную мировую революцию подогревали некоторые массовые мероприятия, вроде устроенного 2 мая 1936 г. комсомольцами Красноярска игрового интернационального конгресса, на котором местные пионеры выступали в роли «делегатов» со всего света. После завершающих слов «посланца итальянских трудящихся» Гали Ивановой «Да здравствует мировой Октябрь! Да здравствует советская Италия!» зал разразился шумными рукоплесканиями⁹.

В том же направлении влияла художественная литература, особенно детская, последовательно претворявшая завет М. Горького: «В нашей стране воспитывать — значит революционизировать»¹⁰. Она насаждала взгляд на мир, который А. Вайнер определяет одновременно как апокалиптический, поскольку он строился на ощущении скорого краха капитализма, и милленаристский, поскольку за финальным катаклизмом ожидалось установление коммунистического царства¹¹. Как отмечает О. Кучеренко, счастливый финал произведений детской литературы, касающийся жизни вне Советского Союза, в лучших соц-реалистических традициях включал в себя прямые параллели с Октябрьской революцией¹².

Помимо этого, на сближение испанских событий с Гражданской войной в России работала постановка военно-патриотической работы с детьми. Во многих школах она опиралась на пантеон героев, в который, наряду с российскими пламенными революционерами, культовыми фигурами Гражданской войны, включались испанские республиканцы. Например, в московской школе им. Радищева была проведена серия сборов, на которых их дело освещалось в контексте разговора о честности, мужестве, благородстве борцов за новую жизнь. Вскоре после этого — в марте 1937 г. — школу посетили испанские писатели Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон, которых дети приняли как самых

дорогих гостей. Директор школы Гинзбург отмечал в своем отчете: «Эта встреча произвела на учащихся неизгладимое впечатление»¹³.

В связи с этим вполне логичным и ожидаемым было осмысление испанских событий, которым дети делились с писателями и журналистами. Так, в ответ на вопрос о том, почему они так пристально следят за хроникой военных действий в далекой стране, пятиклассники одной из ленинградских школ объяснили С. Маршаку: «Там борются так, как боролись у нас»¹⁴. Характерно, что тот же взгляд быстро перенимали и испанские дети, оказавшиеся в Советском Союзе. Поэт и будущий фронтовик, а в 1937 г. десятиклассник харьковской школы Михаил Кульчицкий, смотревший вместе с испанцами фильм «Чапаев», зафиксировал, что те при появлении на экране белых неистово кричали: «Смерть фашистам!» Интересно, что и в личном дневнике самого автора этой небольшой зарисовки стояли рядом две записи: одна выражала горькое сожаление по поводу того, что он опоздал к главному событию своего века — войне красных с белыми, в другой изъяснялась готовность следовать в Испанию и там бороться за счастье трудящихся¹⁵. По меткому определению М. Ноймана, родившиеся и взрослевшие после Гражданской войны в СССР были такими же ее «детьми», как родившиеся в XIX в. после Отечественной войны — «детьми» 1812 г. Для тех и других эти ключевые события, на которые они в силу возраста не успели попасть, являлись и историей, и памятью, и мифом, определявшими самосознание и идентичность. Поэтому «не успевшие» активно искали соразмерное и созвучное с ними событие как точку приложения своих сил¹⁶. Борьба республиканцев, которая в подростково-юношеском сознании контаминировала с утверждением советской власти в России, породила ажиотажный спрос подростков на тот или иной способ подключения к ней, пусть даже косвенный.

По наблюдениям С. Маршака, изо дня в день тысячи детей зарывались в газеты, чтобы выяснить обстановку в долине Тахо или в Астурии, запоминали с первого раза такие труднопроизносимые названия, как Сьерра де Гвадаррама, Гвадалахара, Вильянуэва дель Лука¹⁷. На три года страстное, до хрипоты обсуждение тактики республиканцев за картами и газетами, вынесенными во двор из квартир, затмило обычные игры¹⁸. Многие школьники заводили отдельную доску в классе, на которой ежедневно отмечали линию фронта. Многие составляли альбомы, посвященные новостям из Испании и ее героям¹⁹. Зачастую дети могли дать фору взрослым по части осведомленности в испанских событиях. Так, пионервожатая московской 26-й школы, объявившая в конце 1937 г. пионерский сбор третьеклассников по испанской проблематике, была сходу атакована вопросами: «Почему правительство переехало из Валенсии в Барселону?»; «Есть ли такая страна, где рабочие не преследуются?». Некоторые, следившие самостоятельно за сводками военных действий по советским печатным изданиям и радио, уверенно заявляли: «Испанцы отвоевывают войну»; «Испанцы борются за свободу». Пионервожатой оставалось только признать свое поражение: «Ну, ребята, я вам думала коротко рассказать, а вы, оказывается, больше меня знаете»²⁰.

Учителя с мест сообщали, что школьники по собственной инициативе собирали деньги для отсылки в Испанию, а многие были готовы отказаться

от развлечений и даже школьных завтраков, чтобы денежная помощь была больше²¹. А учителя из 149-й школы Москвы рассказывали о 7-м классе, который из отстающих вырвался в передовые только благодаря тому, что его классный руководитель в сентябре 1936 г. участвовал в отправке первого парохода с посылками для республиканской Испании. Это событие наполнило детей гордостью за своего наставника и горячим желанием поддержать его высокую репутацию в школе²². Некоторые подростки мечтали о том, что лет через двадцать, став квалифицированными специалистами, они смогут приезжать в братскую Испанскую социалистическую республику на всемирные конгрессы прогрессивных ученых²³.

Работники образования свидетельствовали: сотни подростков из разных регионов СССР — от Ленинграда до Северного Кавказа, подгоняемые желанием соединиться с защитниками Испанской республики, отрывались от дома на большие расстояния, а некоторые добирались до Одессы и других портов, где рассчитывали сесть на пароход, отплывающий в Испанию²⁴. С поездов милиция снимала и совсем маленьких ребят, мчавшихся в неведомые дали за испанской мечтой²⁵. В Таганском районе Москвы в 1937 г. была выявлена большая группа подростков из нескольких школ, готовившая коллективный побег в Испанию. В порядке боевой подготовки ежедневно не менее часа они отводили спортивным занятиям, совершили два тренировочных выезда за город, где учились сплаву по реке на плотках. Для предстоящих военных действий были закуплены саперные лопатки, для чего пришлось украсть и продать белье соседей, сушившееся на чердаках домов²⁶.

Понятно, что все подобные попытки встать в строй интернациональных бригад в Испании были заранее обречены на неудачу.

Р. Коулз, изучавший политическую социализацию детей в 1960–1980-е годы, указывает, что милитаризация и военные действия всегда стимулировали игры, в которых дети подражали сражающимся взрослым или даже реконструировали конкретные текущие события (*occasional games*)²⁷. Н. Старгардт и Ф. Маубах отмечают аналогичные тенденции в детской жизни в Третьем рейхе: нарастание вала игр в войну, причем с единоличным лидером «своей» стороны. Ф. Маубах расценивает их как пример возбужденной взрослыми имитации солдатского геройства, предназначенной для последующего практического применения. Наряду с этим, традиционные игры в разбойников и жандармов, полицейских и грабителей, индейцев и ковбоев, трансформировались в «охоту на евреев» частями СС, а прятки — в сухую тренировку облавы в гетто. Отражая ассимиляцию расовой идеологии, эти игры содействовали реальному вовлечению подростков как в нацистские зачистки общества от чуждых элементов, так и в добровольное самопожертвование на заключительном этапе Второй мировой, когда с фаустпатронами в руках они бросались на советские танки²⁸.

В той же логике, хотя и на принципиально ином идеологическом фундаменте, развивалась самодеятельность советских школьников в период войны в Испании. Создававшиеся в инициативном порядке боевые отряды и боевая подготовка, которая в меру подросткового разума копировала действия интернациональных бригад, попытки побегов в Испанию указывали на дея-

тельность усвоения идей пролетарского интернационализма, мировой революции²⁹.

И все же, несмотря на недостижимость театра боевых действий для детей-волонтеров, гражданская война в Испании приближала их к Западу. Уплотнению ментальных и эмоциональных связей с ним способствовал кинематограф. По словам Д. Ковальского, кинохроника и киноочерки об Испании, снятые Р. Карменом и Б. Макасеевым, стали водоразделом в истории советской киноиндустрии, прежде крайне редко обращавшейся к сюжетам западной истории и современности. Эти материалы не только знакомили зрителя с буднями сражающихся республиканцев, но и давали панораму испанской жизни, часто выходящую за пределы привычных для советской аудитории идеологических клише³⁰. Невероятный накал эмоций в советских кинотеатрах вызывали кадры прощания с матерями отправляемых в СССР испанских детей, чьи отцы воевали на фронте: весь зрительный зал, не стыдясь, плакал³¹. В душу и память советских людей, в особенности молодых, вошли воззвания Долорес Ибаррури (Пассионарии): «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!», «Лучше быть вдовой героя, чем женой труса!»

Популярные символы республиканского сопротивления мгновенно интегрировались в советскую детскую культуру. Паролевыми для многих подростковых сообществ стали: боевой девиз «¡No pasarán!» со взмахом сжатой в кулак правой руки, выражения «Салюд, камарадас» («Привет, товарищи!») и «Муй бьен, камарадас» («Все в порядке, товарищи»), бешено популярная пилотка-испанка, читавшаяся вслух «Гренада» М. Светлова, распевавшаяся в тон боевому настроению на итальянском, немецком и испанском языках «Бандьера роса». Но, пожалуй, главной связующей нитью с Западом и конкретно с Испанией для советских граждан, особенно юных, стал прием в СССР 3 тыс. детей республиканцев.

«Экспортная» модель коммунизма: детский сценарий революции и Европы. Исследователи по-разному оценивают направленность воспитания в СССР маленьких испанцев. По мнению В. Сьерры Блас, им предоставили отличные условия для интеллектуального и физического развития, учитывавшие перспективу возвращения на родину³². Г. Янг полагает, что их воспитывали интернационалистами и строителями будущей демократической Испании, сохранявшими связь с родиной, корнями и пережитой драмой испанской истории³³. К. Кволс считает, что изначально воспитание эвакуированных детей строилось на основе «гибридизации» — им не отказывали в национальной идентичности, но пытались ее адаптировать к нормам и ценностям советского строя. А после победы Ф. Франко воспитательные усилия вообще были перенаправлены в сторону ассимиляции детей в советское общество³⁴. Д. Ковальский подчеркивает, что подлинная забота об их здоровье и образовании сочеталась с советизацией, рекрутингом в пионерию и комсомол и удержанием в Советском Союзе тех детей, которые хотели вернуться на родину³⁵. Российские исследователи Н. Ю. Харитоновна и А. П. Фернандес-Эрес также отмечают сильную составляющую идейного воспитания, нацеленную на превращение юных испанцев в кадры коммунистического движения и демократиче-

ской перестройки Испании³⁶. На этом же основании А. В. Елпатьевский говорит о «деиспанизации» детских домов, проявлявшейся, в частности, в вытеснении испанского персонала и замене его советским. У ряда выпускников эта сторона обращения с ними вызывала нарекания³⁷. Двойственные цели воспитания испанских детдомовцев — сохранение национально-культурной принадлежности и приобщение к советской системе ценностей — порождали раздвоенность в идентичности и стиле поведения, а порой конфликт ролевых моделей. Как показала Л. Киршенбаум, этого не избежала даже Долорес Ибаррури³⁸.

Если пребывание в СССР все же меняло самосознание и позиционирование испанских беженцев, то до известной степени это же относилось и к советским подросткам, вступавшим с ними в коммуникации. Громадный ажиотаж среди советских школьников вокруг приезда иностранцев был подготовлен СМИ, кинематографом и детской литературой, в частности произведениями по теме сражающейся Испании С. Маршака, С. Михалкова, А. Барто, А. Фадеева и в особенности вышедшей в 1937 г. книгой Е. Кононенко «Маленькие испанцы». Последняя рисовала повседневную жизнь под фашистскими бомбардировками, баррикадные бои, в которых дети помогали сражающимся родителям. На какое-то время в живых реакциях советских детей образы отечественных пионеров-героев потеснили юные мученики испанской войны, вроде мальчика-гранатометчика Тореса, заменившего на фронте убитых родителей, погибших от рук врагов Республики Франсиски Саланы, Аиды Лафуэнтэ, сироты из мадридского детского дома, которого фашисты покалечили из-за того, что он носил красный пионерский галстук³⁹.

Несмотря на то что испанцы учились в своих интернатах или в отдельных классах советской школы, где преподавание велось на их родном языке, между ними и советскими сверстниками завязывались достаточно регулярные контакты. Они становились важнейшим дополнением к утвержденной в высшем эшелоне советской власти организации жизни и образования испанских детей. Общение протекало на разных площадках. Например, в конце октября 1937 г. в Коминтерновском районе Москвы в помещении цирка был проведен веселый пионерский «костер» с участием детей из испанского детдома. В ответ детдомовцы устроили на своей территории вечер для советских школьников⁴⁰. Таких «костров» и ответных визитов к испанцам будет проведено много в тех населенных пунктах, где разместились иностранные гости. Советские школы принимали испанских ребят на своих сборах и вечерах с таким же почетом, как участников Октябрьской революции и Гражданской войны, полярников, летчиков, производственников-стахановцев, а зачастую и в общей компании с этими знатными людьми советской страны⁴¹.

Однако торжественными мероприятиями контакты советских и испанских детей не ограничивались. Их встречи регулярно происходили: в кружках домов и дворцов пионеров, в музыкальных школах, на детских спортивных состязаниях и военных играх, на концертах и представлениях в театрах, клубах, в ходе общих экскурсий и туристических походов и даже на парадах на Красной площади. Там, где взаимопониманию мешал языковой барьер, помогал символический фон: боевые приветствия и революционные песни, маршевые

прохождения в парадном строю в дни революционных праздников, внушавшие сакральный трепет красные знамена, которыми в порядке побратимства обменивались советские и испанские пионеры, и многое другое⁴².

В случаях более или менее продолжительного и непрерывного общения — в летнем лагере, санатории — советские дети брали испанцев под опеку, щедро делились с ними любимыми игрушками, лакомствами, при возможности дарили им подарки. Так, в документальной повести Е. Ильиной «Четвертая высота» реальная девочка Гуля Королева, которая провела лето вместе с испанскими малышами в санатории под Одессой, получила прозвище «мадресита» («маленькая мама»). Каждый день она покупала им мандарины, леденцы, открытки с пейзажными видами, бусы из раковин и другие маленькие подарки, так что к концу смены были истрачены без остатка деньги, отпущенные матерью на обратную дорогу.

Воспоминания бывших советских школьников, навещавших испанцев в их детдомах, содержат зарисовки быта, разительно отличавшегося от условий их собственной жизни. Скажем, в детдом г. Пушкино, переоборудованный из дачи А. А. Жданова для 60 испанцев, были завезены огромный персидский ковер, хохломская мебель, фарфоровые вазы, люстры и такое множество игрушек, которого никогда не видели советские дети. Однако это великолепие не только не вызывало зависти или протеста со стороны последних, но воспринималось как должное. Даже спустя годы они радостно вспоминали, как в детдоме они фотографировали или катали испанских ребят на велосипедах⁴³. Заметим, что и велосипед, и фотоаппарат в те годы были настолько недоступными для советских детей, что о них было трудно мечтать. Учащиеся из школы-колонии им. Шацкого в Обнинске с большой охотой помогали готовить созданный рядом с ними испанский интернат к приему новоселов: таскали мебель, застилали кровати, накрывали легкий завтрак с бутербродами, какао и доселе неизвестными им апельсинами. А затем с цветами встречали привезенных на автомобилях (!) постояльцев⁴⁴.

СOLIDное государственное финансирование, в расчете на каждого ребенка втрое превосходившее содержание отечественных детдомов, вместе с помощью шефствующих организаций обеспечивало иностранцам в разы более высокие стандарты жизни, чем те, к которым были приучены советские дети. Но ни полученные испанцами дорогие вещи, включая интернатскую техническую станцию, педальные автомобили, ни обильная и изысканная еда совершенно не вызывали ощущения собственной обделенности у обнинских «колонистов». Впрочем, таких ощущений не возникало и у остальных советских учащихся, попадавших в «рай», созданный для иностранцев. О благородном отношении к «привилегиям» испанских детей писала учительница 6-й ленинградской школы. Ее ученики-пятиклассники пришли в восторг, когда побывали в гостях у ребят испанского детдома и своими глазами увидели, «какой теплотой и заботой окружены испанские пионеры в СССР и как интересно и прекрасно обставлена их жизнь». Государственная щедрость приезжим, по словам учительницы, наполняла ее воспитанников гордостью за советское правительство и «укрепляла патриотизм»⁴⁵. Великодушные советских ровесников,

которые могли только мечтать об условиях, предоставленных иностранцам, было известно и в самой детской испанской диаспоре. Поэтому уже с большой исторической дистанции один из ее выходцев М. Арсе мог без всякой натяжки признать: «С первых же дней нашего пребывания в Советском Союзе мы почувствовали себя окруженными лаской и заботой со стороны советских властей и простых людей... нам давали все лучшее, что могли, нам уделяли больше внимания, чем самим русским»⁴⁶.

Без сомнения, радушие советских подростков определялось сочувствием к судьбе испанских сверстников, оторванных от родины, семьи, прошедших через испытания войной. Но не только этим. Жесты доброй воли советских детей можно рассматривать и как значащие символы. Последние, с точки зрения основоположника символического интеракционизма Дж. Мида, направлены на то, чтобы вызвать у адресата однородную реакцию с той, которую испытывает производящий их человек⁴⁷. Другими словами, выказывая безграничное расположение и беззаветную дружбу, советские подростки имплицитно закладывали в свои поступки ожидания встречных движений со стороны испанцев. Подобный коммуникативный сценарий, безотносительно к степени его отрефлексированности инициатором, был направлен на презентацию наднационального и надгосударственного братства, в которое по вере советских подростков должно было слиться человечество при коммунизме. Единение с юными испанскими республиканцами являлось и его наглядным представлением, и первой отработкой. Именно в этом смысле бывшая советская школьница аттестовала как «лучших подруг» испанских девочек, с которыми лишь периодически играла на балконе детдома в г. Пушкине, не знала их фамилий, а возможно искажала их имена («Маруха, Клара, Хелен»)⁴⁸.

Выскажем предположение: отлично обустроенный в материальном и культурном аспектах детдомовский быт испанцев воспринимался советскими детьми как островок коммунизма. Они не только соглашались с его первичным тестированием иностранными гостями, но и пытались дорисовать этот пленительный образ демонстрацией межличностных отношений, которые должны установиться в коммунистическом обществе. Являясь фактическими агентами социализации испанцев в данном направлении, советские школьники действовали на базе двух ролевых моделей: в первой они выступали в качестве равных соучастников игр, занятий, увлечений испанских ровесников, во второй — в качестве «старших братьев», которые по доброй воле поступались в пользу «младших» лакомыми кусками, предметами престижного потребления, пальмой первенства в играх. В логике действий советских школьников преподнесенный урок альтруизма открывал испанцам коммунистическую перспективу, а вместе с тем и возможность превращения в ее сторонников и пропагандистов по месту будущей жизни и деятельности после репатриации.

Аналогичное стремление донести коммунистический «символ веры» и побудить иностранцев к его принятию и распространению в своем социокультурном пространстве пронизывало письма советских детей. 10 ноября 1936 г. «Пионерская правда» опубликовала письмо-обращение мадридских школьников к советским, которое мгновенно получило отклик в разных уголках

СССР⁴⁹. С помощью КИМ и ЦК ВЛКСМ советские школьники пытались передать свои весточки в Испанию и вступить в переписку с проживающими там ровесниками. Несмотря на разное авторство и географию, эти письма были очень похожи по содержанию, построению и даже по фразеологии. В каждом выражалась горячая солидарность с борьбой испанских трудящихся против «капиталистов» и «озверелых фашистов». Последние, по определению одного из авторов, «стараясь прибрать Испанию к своим рукам»; другой автор утверждал: «[Они] всеми средствами хотят ваше государство и ваш свободный народ превратить в колонию и затем эксплуатировать, как это требует фашистский закон»⁵⁰. Во всех посланиях выражалась уверенность в конечной победе республиканцев. Например, тринадцатилетний школьник из Москвы Витя Мудров писал: «Я уверен, что лозунг NO PASARAN испанский народ осуществит. Фашизм получит смелый, лобовой удар. Вперед за Победой! И когда грянет она, желанная, вы, дети честных испанцев, получите такую же счастливую и радостную жизнь, какую получили мы, дети СССР, дети родителей, сбросивших ярмо капитализма со своих плеч в 1917 г.»⁵¹.

Все корреспонденты в ярких красках расписывали свою учебу, увлечения, перспективы, а также труд и отдых своих родителей, нередко сравнивая последние с дореволюционными порядками. «Мы живем в стране, в которой нет эксплуатации, в которой трудящиеся строят счастливую жизнь — социализм... мы стремимся прийти на смену нашим отцам, братьям, окончательно построить коммунистическое общество. В школе... у нас есть драматический кружок, физкультурный... мы проводим соревнования, играем в шахматы, шашки», — писали пионеры Красиловского района Винницкой области⁵². Пионеры со станции Мерефа Харьковской области, помимо прочего, делились яркими впечатлениями от пушкинского вечера, проведенного в их школе. А пионеры-негидальцы из колхоза Нижнеамурского района Дальневосточного края увлеченно описывали преображение их малой родины за годы советской власти: «Наша прошлая жизнь была никудышная, в то время никто не знал ничего, лишь, бывало, в тайгах целыми годами находились, убивали зверей и привозили домой их, в этот момент приходили шаманы и обманным путем даром отбирали, и купцы приезжали, водку привозили, и маленькие игрушки возили, менялись на мех. Даром пропадал негидальский труд... при советской власти мы, негидальцы, живем и веселимся, наш труд даром не пропадает, сколько работаем, столько получаем, сейчас дети стали грамотные, умеют читать и писать... наши родители работают в колхозе... выполняют и перевыполняют свои планы... они тоже культурно отдыхают. К нам приезжает кинотеатр, показывает разные картины, и мы сами ставим разные постановки, показываем своим родителям»⁵³.

Многие письма содержали напутствие адресатам. Например, уже упомянутый Витя Мудров призывал испанских пионеров: «Помогайте своим отцам и братьям бороться против... бесчеловечного осинового гнезда, и тогда победа будет за вами. Тогда вы будете жить точно так же, как живем мы, пионеры нашего замечательного Советского государства». Комсомольцы школы фабрично-заводского управления со станции Юдино Казанской железной дороги заявляли своим испанским собратям, что считают их «передовым авангардом

в борьбе против фашизма в Испании как злейшего врага всего международного пролетариата, несущего гибель, нищету и голод». Они заверяли: «Молодежь капиталистических стран еще не знает такой счастливой жизни, как молодежь нашей социалистической родины», и призывали адресатов быть «мужественными в борьбе против фашизма»⁵⁴.

В соответствии с тем, как в терминах Дж. Мида смысл коммуникации выявляется в «пространстве отношения между жестом данного человеческого организма и последующим поведением этого организма, возмещенном другому человеческому организму посредством этого жеста»⁵⁵, смысл обращений к испанским сверстникам раскрывался в развитии эпистолярного нарратива — от цитирования лозунгов-символов борьбы испанского народа в начале до пожеланий добиться такой же счастливой жизни, как в СССР, в финале. Вся драматургия посланий была нацелена на стимулирование адресатов к еще более интенсивным действиям во имя тех же социальных завоеваний, каких добился советский народ. На данную тактическую задачу и была сориентирована панорама советского образа жизни и радостного детства. Эти письма частично возмещали советским подросткам отсутствие непосредственных контактов с испанцами и открывали определенный шанс продвижения своих взглядов. Подобно связям с испанскими детдомовцами в реальной жизни, такие попытки в исходном посыле были устремлены к экспансии идеи коммунистического переустройства общества за пределами Советского Союза. За ними просматривается не артикулированный, но тем не менее явственный план, в котором испанцам отводилась роль медиаторов, а советским подросткам — зачинателей, находящихся на передовой линии борьбы за этот идеал.

Типологически данная детская активность восходила к давней игре — импровизации фантазийных миров, заключавшей в себе тот же побудительный мотив построения своей параллельной (относительно взрослого мира) реальности и кодекса поведения⁵⁶. В то же время она разительно отличалась от этой традиции своей акцентированной коммунистической семантикой и фокусировкой на практических целях и делах. В этом отношении такая активность предвосхищала другую, в высшей степени социализированную игру, которая появится после публикации в 1940 г. повести А. Гайдара «Тимур и его команда»⁵⁷. И в добровольной неафишируемой помощи тимуровских команд семьям красноармейцев, и в стараниях выстроить братский революционный союз с испанцами коммунистический миф, быть может, впервые устремлялся на почву практической реализации.

Даже если план советских детей сформировать из испанцев опорную группу революционной стратегии на Западе был насковзь утопичен, принесли ли их старания хотя бы какие-то плоды? Сегодня невозможно дифференцировать воспитательное воздействие советских сверстников и советских педагогов на умы юных республиканцев. Вместе с тем, с учетом важнейшей роли в детской социализации и ресоциализации примера сверстников, можно уверенно говорить о вкладе в советизацию (и соответственно, в отмечавшуюся двойственную идентичность) юных испанцев их «контрагентов» из местных детей. Это косвенно подтверждает эпизод, рассказанный пионервожатым Обнинского

детского дома для испанцев: однажды шестеро его воспитанников самовольно покинули территорию; выстроившись в колонну и развернув красное знамя, они двинулись по шпалам в Москву, в Кремль, для того чтобы пожаловаться Сталину на свою жизнь «барчуков» и заявить о желании работать⁵⁸. О рецепции советских норм жизни свидетельствовали и оформление похода в духе визуальных репрезентаций советского детства, и подготовленное заявление о желании зарабатывать на свое содержание, отсылавшее к важнейшему в советском воспитании культу труда. Подтверждением интериоризации советских ценностей стало и добровольное участие испанцев в Великой Отечественной войне: по одним данным, таких добровольцев было 633, по другим — 800. Двое выпускников испанских детских домов — Рубен Руис Ибаррури и Мария Пардина Рамос — посмертно были удостоены высших наград Советского Союза. Некоторые из выпускников нашли свое место в жизни на социалистической Кубе⁵⁹. Интересно, что, получив во время и после оттепели возможность вернуться на родину, не все испанцы воспользовались ею. Для некоторых доброта и участие советских людей, подлинная человеческая привязанность к новым родственникам в семье жены или мужа стали факторами неразрывной связи с Советским Союзом⁶⁰.

Однако были и обратные примеры, по крайней мере среди испанских подростков старшей возрастной группы. В секретных документах, предназначенных для служебного пользования в партийно-правительственных учреждениях, сообщалось о множественных эпизодах отклоняющегося поведения. Так, инспектор Наркомата просвещения, проверявший испанский детдом в Евпатории, докладывал о процветании там хулиганства и воровства (дети продавали казенное имущество на базаре, а на вырученные деньги покупали вино, водку и папиросы). Успеваемость даже при завышаемых оценках составляла только 84%. Два класса вообще вышли из повиновения учителям, многие подростки позволяли себе остро критические высказывания о стране, предоставившей им убежище и возможность получить образование. Инспектор резюмировал: «Наше государство тратит на детский дом миллионы совсем не для того, чтобы в результате иметь выходящих оттуда людей с антисоветскими взглядами и антисоциалистическим поведением»⁶¹. Изучавшая пребывание испанских детей в СССР Е. Висенс отмечает, что в той или иной степени в каждом детдоме наблюдались антисоветские настроения, а многие испанцы, достигшие совершеннолетия, не желали принимать советское гражданство⁶². Однако советские люди, включая детей, пребывали в счастливом неведении и не меняли своего отношения к юным посланцам Испанской республики.

Поражение республиканцев и тактическая переориентация советского юношества. Какие бы планы, связанные с детьми республиканцев, ни вынашивали советские подростки, в апреле 1939 г. они утратили всякую почву: в Испании победили враги республики. Для многих и многих советских детей эта развязка стала крушением надежд и настоящей личной драмой. Репатриация испанских детей откладывалась на неопределенный срок, из эвакуированных они превращались в эмигрантов.

Г. Янг пишет о том, что, несмотря на поражение, борьба республиканцев стала вдохновляющим примером для будущих советских фронтовиков, а ее мифы были интегрированы в мифологию Великой Отечественной войны. Соглашаясь с этой оценкой, добавим: дело республиканцев навсегда скрепило в восприятии советской молодежи память Гражданской войны в России и память испанского сражения с фашизмом. Из этого синтеза произрастало осмысление своей войны с фашизмом как священной еще с того момента, когда под его натиском пала Республика. Мощная ударная волна этого события смела психологические барьеры в формировании готовности советского юношества к самым жестким и беспощадным методам противодействия этому врагу. Такая перестройка сознания отразилась в дневниковой записи от апреля 1939 г. анонимного девятиклассника из г. Куйбышева о плане, который составила его одноклассница по имени Мира: «Разжигая чувство ненависти к фашизму и горя злобой к варварской войне в Испании, она придумала одно дело... она поедет в Испанию и отравит всех мятежников. Невозможность этого предприятия ей указывал отец, но не сломил ее убеждения»⁶³. Сам автор дневника также пылал праведным гневом и жадой мести тем, кто растоптал надежды республиканцев и их горячих советских сторонников. В ответ на известие о падении Каталонии под ударами франкистов в феврале 1939 г. он написал: «Это ужасно... б...й-фашистов нужно травить. Особенно нужно преподнести яд в пушечном жерле А. Гитлеру, этому человеку-змее. Кто породил таких сволочей?»⁶⁴ Таким образом, гражданская война в Испании стала важнейшей тематической площадкой, на которой проходила эмоциональная и мотивационная тренировка советского поколения войны, позволившая ему сконцентрировать и двинуть на врага сокрушительную силу ярости.

Один из главных извлеченных из испанской войны уроков состоял в переоценке соотношения сил «реакции» и «революционных движений» в мире. Отныне для большинства молодых людей будущее коммунистического проекта увязывалось только с войной на уничтожение, которую предстояло выдержать Советскому Союзу с империалистическим и фашистским лагерями при определенной, но отнюдь не решающей поддержке передовой мировой общественности. Это заключение соответствовало представлениям сталинского руководства о том, что расширение границ социализма будет связано не с восстаниями пролетариата, а с ударами Красной армии⁶⁵. Республиканское поражение 1939 г. не расшатало курс советского юношества на мировую революцию. Однако, пройдя через попытки сильнее зажечь революционный пожар на Пиренейском фронте путем всемерной помощи республиканцам, подготовить свою «пятую колонну» из детей республиканцев, он в конечном счете вышел на линию официального подхода.

Не сомневаясь в победе своей страны в предстоящей войне, многие подростки и юноши вполне отдавали себе отчет в больших потерях и издержках на этом пути. Такая прозорливость, контрастировавшая с шапкозакидательскими настроениями многих взрослых людей как до, так и в начале Великой Отечественной войны, коренилась в пассионарном «проживании» опыта двух гражданских войн — в России и в Испании. Первая приучала к тому, что великая

идея требует жертв. По утверждению А. Зиновьева, вынесенная из постижения Гражданской войны готовность лечь костью за коммунизм (или, как он сам провозглашал в одном из юношеских стихотворений, — «под пулемет подставим тело»), для довоенного юношества была привычным элементом мироощущения⁶⁶. Вторая гражданская уже научала думать, что великая идея требует великих жертв. Интересно, что еще осенью 1936 г., в разгар самых радужных надежд, беседуя с пионерами ленинградской школы, С. Маршак спросил, кто же, по их мнению, победит в Испании. Дети замялись, но некоторое время спустя выдали поразивший писателя ответ: «У мятежников, конечно, самолеты... им помогают Германия, Италия, Португалия. Но ведь эта война не такая, чтобы раз, раз и конец. Воевать будут очень долго»⁶⁷. И хотя в финале школьники, конечно же, предрекали победу «рабочим», было очевидно, что они не поддавались необоснованному оптимизму в отношении сроков и цены разрешения этого конфликта.

В свете откорректированных испанским опытом представлений о будущей тотальной войне СССР личное участие в ней у многих советских подростков заранее ассоциировалось с неизбежным гибельным концом. Так, девятиклассник П. Сагайдачный еще задолго до июня 1941 г. сочинял пьесу о смерти героев в неравном бою, а с первых военных дней рвался на фронт, чтобы «погибнуть героем»⁶⁸. Зоя Космодемьянская еще в школе увлеклась биографией героини Гражданской войны Татьяны Соломахи, принявшей мученическую смерть от рук белогвардейцев, примеривая ее образ на себя⁶⁹. Талантливый девятиклассник Л. Федотов, определившийся в своем призвании естествоиспытателя, хотел бы, но не рассчитывал в нем реализоваться, равно как и заставить величественные послевоенные перемены в мире в силу исторического жребия рожденных в 1920-е годы⁷⁰. Юный поэт Ю. Баранов в дневниковой записи начала марта 1941 г. предсказывал войну, которая разразится в мае — июне, и свою гибель на ней: «Так должно быть»⁷¹.

В глубинном психологическом измерении эти пессимистические ожидания, очевидно, можно связать со сломом одного из базовых паттернов, закладываемых в сознание детей сказкой: ее герой всегда выходил сухим и невредимым из самых невероятных испытаний. Однако нередко случалось так, что травматичный опыт войны для ребенка, а в итоге и для взрослого человека, бесповоротно менял данный сценарий на противоположный — вместо чудесного спасения в финале торжествовала смерть⁷².

Опыт испанской гражданской войны, пусть заочной и окутанной мифами и иллюзиями, способствовал моральной и психологической закалке советского молодого поколения перед испытаниями 1941–1945 гг.

¹ Единственное исключение: *Мухаматуллин Т. А.* Формирование образа Испании в советском обществе 1936–1939 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

² См. напр.: *Келли К.* «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // *Новое литературное обозрение.* 2003. № 60. С. 218–251; *Caroli D.* Soviet Children's writings: school exercise books, letters to the authorities, personal diaries and war memoirs // *History of Education and Children's Literature.* 2012. Vol. VII, no. 1. P. 303, 361.

- ³ *Payne St. G.* The Collapse of the Spanish Republic 1933–1936. Origins of the Civil War. New Haven, London, 2006. P. 303, 361.
- ⁴ *Lannon D. Fr.* The Spanish Civil War. 1936–1939. Oxford, 2002. P. 75.
- ⁵ *Шауфф Ф.* Проигранная победа. Советский Союз, Коммунистический Интернационал и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. М., 2017. С. 333.
- ⁶ *Kowalsky D.* The Soviet Cinematic Offensive in the Spanish Civil War // *Film History*. 2007. Vol. 19, no. 1. P. 12.
- ⁷ *Kowalsky D.* Stalin and Spanish Civil War. Columbia University Press, 2004. P. 227, 233–234.
- ⁸ *Мухаматулин Т. А.* Формирование образа Испании... С. 21–23.
- ⁹ Гудок. 1936. 6 мая. С. 3. — Данное мероприятие как не отвечающее курсу партии и воспитательным задачам молодежи резко осудили секретари ЦК ВКП(б): Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 172. Д. 57. Л. 61.
- ¹⁰ *Горький М.* О темах // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 1.
- ¹¹ *Weiner A.* Making Sense of Revolution. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton University Press, 2002. P. 32.
- ¹² *Kucherenko O.* Little Soldiers. How Soviet Children Went to War. Oxford University Press, 2011. P. 69.
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2603. Л. 68–69.
- ¹⁴ Правда. 1936. 7 окт. С. 3.
- ¹⁵ *Кульчицкий М.* Страницы из дневника. // Вопросы литературы. 1967. № 10. С. 188.
- ¹⁶ *Neumann M.* “Youth, It’s Your Turn!”: Generations and the Fate of the Russian Revolution (1917–1932) // *Journal of Social History*. 2012. Vol. 46, no. 2. P. 293.
- ¹⁷ Правда. 1936. 7 окт. С. 3.
- ¹⁸ *Бейлинсон В.* Советское время в людях. М., 2009. С. 68.
- ¹⁹ Научный архив Российской академии образования (далее — НА РАО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 440. Л. 78–81, 91.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 328. Л. 4–5.
- ²¹ Методический бюллетень Московского областного отдела народного образования (МООНО). 1937. № 8. С. 32.
- ²² Центральный государственный архив Москвы (далее — ЦГАМ). Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 500. Л. 27–28.
- ²³ Пионерская правда. 1937. 28 дек. С. 4.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2357. Л. 68.
- ²⁵ *Барто А.* Записки детского поэта. М., 2006. С. 69.
- ²⁶ ЦГАМ. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 504. Л. 143 об.
- ²⁷ *Coles R.* The Political Life of Children. Boston, New York, 1986. P. 88–89.
- ²⁸ *Stargardt N.* Witnesses of War. Children’s lives under Nazis. London, 2005; *Maubach F.* Der Krieg im Spiel — Kindliche Aneignung Kriegerischer Gewalt 1939–1945 // *Kinder des Krieges. Materialien zum Workshop in Vorenez 11–13 März 2008*. Deutsches Historisches Institut. Moskau, 2009. Bulletin Nr. 3. S. 30–31.
- ²⁹ Эти реакции не подтверждают выводов некоторых исследователей об угасании пролетарского интернационализма среди советского подрастающего поколения по мере внедрения сталинского государственного патриотизма и образа СССР как глобального мира в миниатюре. См. об этом, напр.: *Келли К.* «Маленькие граждане большой страны»...; *Баранникова Н. Г., Безрогов В. Г.* «Все разделилось вдруг на чужое и наше». К вопросу о локальном/глобальном в учебнике начальной школы 1900–2000-х гг. // *Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М. Р. Балиной, В. Г. Безрогова*. М.; СПб., 2011. С. 157; *Балина М. Р.* «Все флаги будут в гости к нам»: эволюция образа ребенка-иностранца в советской детской литературе 1920–1930-х годов // «Гуляй там, где все». История советского детства: опыт и перспективы исследования. М., 2013. С. 158, 164.
- ³⁰ *Kowalsky D.* The Soviet Cinematic Offensive. P. 7, 12.

- ³¹ Смирнова В. Маршак у испанских детей // «Я думал, чувствовал, я жил». Воспоминания о С. Я. Маршаке. М., 1971. С. 316.
- ³² Sierra Blas V. Educating the communists of the future: notes on the educational life of the Spanish children evacuated to the USSR during the Spanish Civil War // *Paedagogica Historica*. 2015. Vol. 51, no. 4. P. 508, 518.
- ³³ Young G. To Russia with "Spain": Spanish Exiles in the USSR and the *Longue Durée* of Soviet History // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2014. Vol. 15, no. 2. P. 400, 402–403.
- ³⁴ Qualls K. D.: 1) From Hooligans to Disciplined Students: Displacement, Resentment, and Role Modelling of Spanish Civil War Children in the Soviet Union // *Displaced Children in Russia and Eastern Europe, 1915–1953. Ideologies, Identities, Experiences* / ed. by N. Baron. Leiden; Boston, 2017. P. 140, 145–146, 154; 2) From Niños to Soviets? Raising Spanish Refugee Children in House No. 1. 1937–1951 // Dickinson College Faculty Publications. 2014. Paper 43. URL: http://scholar.dickinson.edu/faculty_publications/43 (дата обращения: 23.05.2019).
- ³⁵ Kowalsky D. Stalin and Spanish War. P. 208, 214, 228, 232.
- ³⁶ Харитонова Н. Ю. Система воспитания в детских домах для испанских детей в Советском Союзе: к истории педагогических идеологием // Шаги/Steps. 2015. Т. 1, № 1. С. 77–78, 80; Фернандес-Эрес А. П. «Заставить их полюбить эту жизнь»: испанские детские дома в СССР (1937–1939). // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 1. С. 70.
- ³⁷ Елпатьевский А. В. Испанская эмиграция в СССР: историография и источники, попытка интерпретации. М.; Тверь, 2002. С. 123.
- ³⁸ Ролевая модель матери всех испанцев в изгнании, которую Д. Ибаррури взяла за основу, часто вступала в противоречие с ролевой моделью функционера Коминтерна и советской гостии, что даже приводило к ее обвинению со стороны соотечественников в пренебрежении интересами испанских детей. См. об этом: Kirshenbaum L. A. Exile, Gender, and Communist Self-Fashioning: Dolores Ibarruri (La Passionaria) in the Soviet Union // *Slavic Review*. 2012. Vol. 71, no. 3. P. 584–585.
- ³⁹ Ленинградская правда. 1936. 24 окт. С. 2.
- ⁴⁰ ЦГАМ. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 508. Л. 8.
- ⁴¹ Там же. Д. 507. Л. 141 об.
- ⁴² Барто А. Записки детского поэта. С. 69; РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 745. Л. 69.
- ⁴³ Испанские дети в Пушкине. URL: <http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/obrazovanie-uchebnye-zavedeniya-carskogo-sela/ispanskije-deti-v-pushkine.html> (дата обращения: 21.05.2019).
- ⁴⁴ Ефимова И. Л. Школа-коллония «Бодрая жизнь». Испанский детский дом. Калининград, 2012. С. 184–185.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 745. Л. 67.
- ⁴⁶ Арсе М. Воспоминания о России. Воспоминания одного из 3500 испанских детей, приехавших в СССР в 1937 году. Мадрид, 2011. С. 52.
- ⁴⁷ Mead G. H. Mind, Self and Society from the Standpoint of Socialist Behaviorism / ed. by Ch. W. Morris. Chicago, 1992. P. 38.
- ⁴⁸ Испанские дети в Пушкине.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Д. 241а. Л. 19.
- ⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 533. Оп. 10. Т. 3. Д. 2619. Л. 20 об.–21.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. Л. 7.
- ⁵³ Там же. Л. 8.
- ⁵⁴ Там же. Л. 15–16, 32.
- ⁵⁵ Mead G. H. Mind, Self and Society... P. 37.
- ⁵⁶ См. об этом: Лойтер С. М. Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 608–617; Обухов А. С., Мартынова М. В. Фантазийные миры игрового пространства детей мегаполиса: страна ККР Антона Кротова и его друзей

// Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб ст. и материалов / сост. Г. В. Макаревич. М.: Тверь, 2008. С. 233.

⁵⁷ О ней см.: *Димке Д.* Советские детские игры: между утопией и реальностью // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 316–317.

⁵⁸ *Гунин Д.* Республика неугомонных. М., 1984. С. 235.

⁵⁹ См. об этом: *Young G.* To Russia with “Spain”... P. 407, 409, 417.

⁶⁰ См. об этом: *Карамес Ф. М.* Пасынок. Испанские дети в Советском Союзе // Коломенский альманах. 2013. Вып. 17. С. 382–383.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 2. Л. 1–1 об.

⁶² *Висенс Е.* Неизвестная правда об испанских детях в СССР // Русская мысль. 1997. № 4177, 4178, 4182.

⁶³ Дневник девятиклассника (г. Самара, 1938–1939) // Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Б. Ельцина. 1890–1990: антология текстов. Взрослые о детях и дети о себе. Ч. 1. М.; Тверь, 2008. С. 384.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ См., напр.: *Shlapentokh V.* The World Revolution as a Geopolitical Instrument of the Soviet Leadership // *Russian History*. 1999. Vol. 26, no. 3. P. 327; *Дубровский А. М.* Идея мировой пролетарской революции в идеологии большевиков (1917–1930-е гг.) // Русский сборник: сб. исторических трудов, посвященный 25-летию исторического ф-та Брянского государственного университета. Брянск. 2002. С. 143.

⁶⁶ *Зиновьев А.* Русская судьба. Исповедь отщепенца. М., 2000. С. 109.

⁶⁷ Правда. 1936. 7 окт. С. 3.

⁶⁸ Дневник Пети Сагайдачного, ученика московской школы № 211. М., 1963. С. 53, 257.

⁶⁹ *Космодемьянская Л. Т.* Повесть о Зое и Шуре. М., 1978. С. 23.

⁷⁰ *Федотов Л.* Дневник советского школьника. М., 2015. С. 322.

⁷¹ *Баранов Ю.* Голубой разлив. Дневники, письма, стихотворения. 1936–1942. Ярославль, 1988. С. 86.

⁷² См. об этом: *Мяэотс О.* Война как игра // Детские чтения. 2015. № 2. С. 122; *Маубах Ф.* Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1939–1945) // Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. ст. / под ред. А. Ю. Рожкова. Краснодар, 2010. С. 163–164.

Статья поступила в редакцию 12 июня 2019 г.

Рекомендована в печать 14 ноября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Волкова И. В. Пиренейский конфликт 1936–1939 годов и формирование советского поколения войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 183–202.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.112>

УДК 947.065/066(571)

Аннотация: В статье исследуются отклики советских школьников средних и старших классов второй половины 1930-х годов на гражданскую войну в Испании и приезд в СССР детей республиканцев. Интерес к реакциям этой возрастной категории обусловлен тем, что через короткое время она примет на себя главный удар в войне с фашистской Германией и получит статус фронтового поколения. Эмоционально воспринятые события в далекой стране стали источником ее представлений о будущей тотальной войне СССР и важным рубежом в психологической подготовке к ней. Проведенное исследование показывает, что, несмотря на отказ политического руководства страны от идеи мировой революции и отсутствие намерений разжигать революцию на территории Испании, эта идея стала направляющей для юных советских граждан. Осмысленная как вспышка мировой революции, борьба республиканцев породила разнообразные проявления солидарности, включавшие сбор денежных средств, попытки индивидуальных и групповых побегов в Испанию, а также самоорганизацию военизированных отрядов с целью присоединения к интернациональным бригадам. Курс на мировую революцию выразился

и в коммуникациях, которые советские подростки выстраивали с испанскими сверстниками. В свете драматического опыта испанских республиканцев будущее коммунистического проекта среди советского юношества теперь увязывалось только с войной на уничтожение, которую предстояло выдержать Советскому Союзу при определенной, но отнюдь не решающей поддержке передовой мировой общест-венности. А победоносный исход этой войны для своей страны связывался с большими жертвами и потерями.

Ключевые слова: мировая революция, гражданская война, Испания, школьники, дети, Союз Советских Социалистических Республик.

Сведения об авторе: Волкова И. В. — д-р ист. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); wolkowa-irina@yandex.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

FOR CITATION

Volkova I. V. 'The Pyrenean Conflict of 1936–1939 and the Formation of the Soviet Generation of War', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 1, 2020, pp. 183–202.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.112>

Abstract: This article investigates responses of Soviet schoolchildren of middle and older ages towards the Spanish Civil War and the arrival of Republican children to the USSR in the second half of the 1930s. Interest in reactions of this age category is connected with the fact that soon after they would bear the brunt of sacrifices in the struggle with Nazi Germany and received the status of front-line generation. Emotionally perceived events in a distant country became the source of its ideas about the future total war of the USSR and an important frontier in psychological preparation for it. Despite the refusal of the country's political leadership to foment a revolution in Spain, this idea was guiding for young Soviet citizens. The Republican struggle, meaningful as an outbreak of world revolution, gave rise to their various manifestations of solidarity, including the collection of funds, attempts of individual and group escapes to Spain, and the self-organization of paramilitary units to join international teams. In the light of the dramatic experience of the Spanish Republicans, the future of the communist project among Soviet youth was now linked only to the fierce war that the Soviet Union was to withstand with some not necessarily decisive support from the progressive world community.

Keywords: world revolution, civil war, Spain, pupils, children, Union of Soviet Socialist Republics.

Author: Volkova I. V. — Dr. Sci. in History, Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia); wolkowa-irina@yandex.ru

National Research University "Higher School of Economics", 20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russia

References:

Arce M. *Memories of Russia. Memories of one of the 3500 Spanish children who came to the USSR in 1937* (Madrid, 2011). (In Russian)

Balina M. R. "All flags will be on a visit to us": the evolution of the image of a foreign child in the Soviet children's literature of the 1920s–1930s', *"Gul'ai tam, gde vse"*. *Istoriia sovetskogo detstva: opyt i perspektivy issledovaniia* (Moscow, 2013). (In Russian)

Barannikova N. G., Bezrogov V. G. "Everything was divided suddenly on someone else's and ours". On the question of local/global in the primary school textbook 1900–2000', *Konstruiruia detskoe: filologiya, istoriia, antropologiya*, eds M. R. Balina, V. G. Bezrogov (Moscow — St. Petersburg, 2011). (In Russian)

Baranov Yu. *Blue spill. Diaries, letters, poems. 1936–1942*. (Yaroslavl, 1988). (In Russian)

Barto A. *Notes of the children's poet* (Moscow, 2006). (In Russian)

Beylinson V. *Soviet time in people* (Moscow, 2009). (In Russian)

Caroli D. 'Soviet Children's writings: school exercise books, letters to the authorities, personal diaries and war memoirs', *History of Education and Children's Literature*, no. 1, 2012.

- Coles R. *The Political Life of Children* (Boston — New York, 1986).
- Diary of Petya Sagaidachny, a student of Moscow school no. 211* (Moscow, 1963). (In Russian)
- Dimke D. 'Soviet children's games: between utopia and reality', *Antropologicheskii forum*, no. 16, 2012. (In Russian)
- Dubrovskiy A. M. 'The Idea of the world proletarian revolution in the ideology of the Bolsheviks (1917–1930)', *Russkii sbornik: sb. istoricheskikh trudov, posviashchennyi 25-letiiu istoricheskogo f-ta Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bryansk, 2002). (In Russian)
- Efimova I. L. *School-colony "Cheerful life". Spanish children's house* (Kaliningrad, 2012). (In Russian)
- Elpatiyevskiy A. V. *Spanish emigration in the Soviet Union: historiography and sources, an attempt of interpretation* (Moscow — Tver, 2002). (In Russian)
- Fedotov L. *Diary of a Soviet schoolboy* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Fernandes-Eres A. P. "'Make them love this life": Spanish orphanages in the USSR (1937–1939)', *Vestnik RGGU, Ser. Istorii. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie*, no. 1, 2017. (In Russian)
- Gorkii M. 'About topics', *Gorkii M. Sobr. soch.*, 30 vols, vol. 27 (Moscow, 1953). (In Russian)
- Town in a snuffbox. Childhood in Russia from Nicholas II to B. Yeltsin. 1890–1990: an anthology of texts. Adults about children and children about themselves*, part 1 (Moscow — Tver, 2008). (In Russian)
- Gunin D. *Republic restless* (Moscow, 1984). (In Russian)
- Karames F. M. 'Stepson. Spanish children in the Soviet Union', *Kolomenskii al'manakh*, no. 17, 2013. (In Russian)
- Kelly C. 'Little citizens of a big country: internationalism, children and Soviet propaganda', *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 60, 2003. (In Russian)
- Kharitonova N. Yu. 'The system of upbringing in children's homes for Spanish children in the Soviet Union: the history of pedagogical ideology', *Shagi/Steps*, no. 1, 2015. (In Russian)
- Kirshenbaum L. A. 'Exile, Gender, and Communist Self-Fashioning: Dolores Ibarruri (La Passionaria) in the Soviet Union', *Slavic Review*, vol. 71, no. 3, 2012.
- Kosmodemiyanskaia L. T. *Tale of Zoe and Shura* (Minsk, 1978). (In Russian)
- Kowalsky D. 'The Soviet Cinematic Offensive in the Spanish Civil War', *Film History*, vol. 19, no. 1, 2007.
- Kowalsky D. *Stalin and Spanish Civil War* (Columbia University Press, 2004).
- Kucherenko O. *Little Soldiers. How Soviet Children Went to War* (Oxford University Press, 2011).
- Kulchitskiy M. 'Pages from a diary', *Voprosy literatury*, no. 10, 1967. (In Russian)
- Lannon D. Fr. *The Spanish Civil War. 1936–1939* (Oxford, 2002).
- Loiter S. M. 'Children's utopias, or a game in a dream country as a phenomenon of children's folklore', *Russkii shkolnyi folklor. Ot "vyzyvaniy" Plikovoi damy do semeinykh rasskazov*, ed. A. F. Belousov (Moscow, 1998). (In Russian)
- Maubach F. 'Der Krieg im Spiel — Kindliche Aneignung Kriegerischer Gewalt 1939–1945', *Kinder des Krieges. Materialien zum Workshop in Voronez 11–13 März 2008. Deutsches Historisches Institut*, bulletin no. 3 (Moskau, 2009).
- Maubakh F. 'Stories, games, role sharing: children's development of military violence (1939–1945)', *Vtoraia mirovaia voina v detskikh "ramkakh pamiati"*, ed. A. Yu. Rozhkov (Krasnodar, 2010). (In Russian)
- Miaeots O. 'War as a game', *Detskie chteniia*, no. 2, 2015. (In Russian)
- Mukhamatulin T. A. *Formation of the image of Spain in the Soviet society of 1936–1939* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2013). (In Russian)
- Mead G. H. *Mind, Self and Society from the Standpoint of Socialist Behaviorism*, ed. Ch. W. Morris (Chicago, 1992).
- Neumann M. "'Youth, It's Your Turn!": Generations and the Fate of the Russian Revolution (1917–1932)", *Journal of Social History*, vol. 46, no. 2, 2012.
- Obukhov A. S., Martynova M. V. 'Fantasy worlds playing space children megapolis: country KKR Anton Krotova and his friends', *Kakoreia. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh: sb. st. i materialov. Trudy seminara "Kul'tura detstva: normy, tsennosti, praktiki"*, iss. 1 (Moscow — Tver, 2008). (In Russian)
- Payne St. G. *The Collapse of the Spanish Republic 1933–1936. Origins of the Civil War* (New Haven, London, 2006).
- Qualls K. D. 'From Hooligans to Disciplined Students: Displacement, Resentment, and Role Modelling of Spanish Civil War Children in the Soviet Union', *Displaced Children in Russia and Eastern Europe, 1915–1953. Ideologies, Identities, Experiences*, ed. Nick Baron (Leiden — Boston, 2017).

- Qualls K.D. 'From Niños to Soviets? Raising Spanish Refugee Children in House No. 1. 1937–1951', *Dickinson College Faculty Publications*, paper 43, 2014.
- Shauff F. *Lost victory. The Soviet Union, the Communist international and the Spanish civil war. 1936–1939* (Moscow, 2017). (Rus. Ed.)
- Shlapentokh V. 'The World Revolution as a Geopolitical Instrument of the Soviet Leadership', *Russian History*, vol. 26, no. 3, 1999.
- Sierra Blas V. 'Educating the communists of the future: notes on the educational life of the Spanish children evacuated to the USSR during the Spanish Civil War', *Paedagogica Historica*, vol. 51, no. 4,
- Smirnova V. 'Marshak in Spanish children', "*la dumal, chuvstvoval, ia zhil*". *Vospominaniia o S. Ya. Marshake* (Moscow, 1971). (In Russian)
- Stargardt N. *Witnesses of War. Children's lives under Nazis* (London, 2005).
- Visens E. 'The untold truth about the Spanish children in the USSR', *Russkaia mysl'*, no. 4177, 4178, 4182, 1997. (In Russian)
- Weiner A. *Making Sense of Revolution. The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution* (Princeton University Press, 2002).
- Young G. 'To Russia with "Spain": Spanish Exiles in the USSR and the *Longue Durée* of Soviet History', *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 15, no. 2, 2014.
- Zinovyev A. *Russian fate. Confessions of a renegade* (Moscow, 2000). (In Russian)

Received: June 12, 2019

Accepted: November 14, 2019